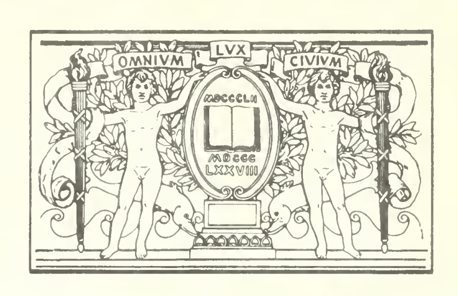

PG3926
.O69
1819x

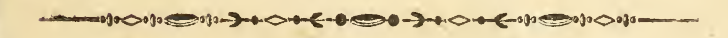

OMNIVM
LVX
CIVIVM
MDCCCLII
MDCCC
LXXVIII

ОПЫТЪ
СОБРАНІЯ
СТАРИННЫХЪ
МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПѢСНЕЙ.

И гробы праотцовъ, обычай ихъ простой
И стѣны, камни, все, и даже самый дымъ
Жилищъ отеческихъ, я сердцу чту святымъ.

Траг. Пожарскій. Дѣйст. II. Явл. I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Крайя.
1819.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента народнаго просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки, одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ и одинъ для Санктпетербургской Духовной Академіи.

С. Петербургъ, Іюля 16 дня 1818 года.

Цензоръ Стат. Сов. и Кавалеръ

Ив. Тимковской.

ЕГО

ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ДИМИТРІЮ ПРОКОФІЕВИЧУ

ТРОЩИНСКОМУ

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ ПОЧТЕНІЕМЪ

ПОСВЯЩАЕТЪ

Князь Цертелевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О СТАРИННЫХЪ

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

О СТАРИННЫХЪ
МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Года за четыре предъ симъ, находясь долгое время въ Полтавской Губерніи здѣлалъ я небольшой опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней.

Случай, помогавшій многимъ открытіямъ былъ виновникомъ сего опыта. Нечаянно попался мнѣ слѣпой, шестидесяти лѣтъ *Бандуристъ*, который подобно древнимъ Рапсодамъ переходя изъ одного мѣста въ другое воспѣваетъ подвиги отечественныхъ Героевъ. Я списалъ все что онъ зналъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ шесть стариныхъ пѣсней, къ которымъ въ послѣдствіи присоединивъ и еще четыре таковыхъ же, принялъ намѣреніе издать оныя.

Собирая старинныя Малороссійскія пѣсни, я увѣренъ былъ, что не отыщу

другой Илліады; но не сомнѣвался также въ томъ, что пѣсни сохраняемыя столь долгое время народнымъ преданіемъ могутъ остановить на себѣ внимательный взоръ наблюдателя. Не одни Греки и Римляне умѣли видѣть и чувствовать. Невозможно думалъ я, что бы живое воображеніе Малороссіянъ не воспламенилось чудными переворотами претерпѣнными отечествомъ ихъ; невозможно, чтобы люди умѣющіе цѣнить прелесть спокойствія, не были пораженны буйствомъ Татарскихъ набѣговъ. Предмѣты ужасные всегда поражаютъ насъ ранѣе пріятныхъ; эпохи бѣдствій и кровопролитій предшествуютъ истинной славѣ народовъ.

Памятники древности тѣмъ занимательнѣе, чемъ болѣе удовлетворяютъ любопытству нашему касательно протекшаго. Не смѣю въ отношеніи семъ цѣнить собранныхъ мною пѣсней; но естьли стихотворенія сіи не могутъ служить объясненіемъ Малороссійской

Исторіи, по крайней мѣрѣ въ нихъ виденъ піитическій геній народа, духъ его, обычаи описываего времени, и наконецъ та чистая нравственность, которою всегда отличались Малороссіяне и которую тщательно сохраняютъ по сіе время, какъ единственное наслѣдіе предковъ своихъ, уцѣлѣвшее отъ жадности народовъ ихъ окружавшихъ!

Языкъ старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней конечно далеко отошелъ отъ своего корня и еще далѣе отъ языка Россійскаго, но слово есть одежда мыслей; оно измѣняется и временемъ и политическими переворотами и самымъ образованіемъ народа. Намѣреніе мое обратить вниманіе читателей не на слогъ, но на силу чуствованій и красоту изображеній пѣвцовъ Малороссіи, на ученыхъ природою. Нарѣчіе упомянутыхъ стихотвореній для большей части Руcкихъ покажется можетъ быть страннымъ и непріятнымъ (оно устарѣло для самыхъ Малороссіянъ;) но изъ того не-

справедливо было бы заключить, что и самыя стихотворенія странны и никуда не годны. Романсы Трубадуровъ и пѣсни древнихъ Скальдовъ при всей необработанности слога ихъ, заключаютъ въ себѣ много выраженій и мыслей, которыми плѣняются новѣйшія писатели. Наконецъ, справеоливость требуетъ замѣтить, что нарѣчіе Малороссійское бывшее нѣкогда такъ сказать языкомъ *отдѣльнымъ* и господствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего, не менѣе другихъ языковъ способно къ поэзіи. Выпущеніе и прибавленіе въ реченіяхъ нѣкоторыхъ слоговъ, соразмѣрное смѣшеніе согласныхъ буквъ съ гласными, весьма облегчаютъ стихосложеніе Малороссійское и способствуютъ гармоніи онаго.

Касательно достоинства старинныхъ Малороссійскихъ пѣсень, какъ піитическихъ произведеній, можно назвать оныя щастливымъ отпечаткомъ первыхъ временъ стихотворства — поэзіи безъ

искуственной естественной. Вездѣ видна въ оныхъ природа, вездѣ слышны разговоры дѣйствующихъ лицъ и рѣдко очень рѣдко рѣдко сочинитель. Правда, что сіи памятники народнаго генія сохраняясь столь долгое время въ изустныхъ преданіяхъ много испорчены, впрочѐмъ, судя по нѣкоторымъ стихамъ убѣжавшимъ отъ искаженія, можно думать, что они заключали въ себѣ и силу выраженій и прелесть гармоніи. Это безобразныя развалины, свидѣтельствующія о красотѣ разрушеннаго зданія! Умирающій отголосокъ гармоніи слышанный нѣкогда на берегахъ Днѣпровскихъ!

Въ доказательство доселѣ сказаннаго мною, я приведу нѣсколько примѣровъ:

Молдавскій Господарь—объятый ужасомъ при вторженіи во владѣнія его, Богдана Хмельницкаго — говоритъ Коронному Гетману Потоцкому:

Уже́ почѝвъ винъ (т. е. Хмельницк.) Коньскими копытами зе́млю ора̀ты
Молда̀вскою кровью полива̀ты.

Въ пѣснѣ, изображающей разлуку братьевъ, одинъ на прозьбу другаго прекратить ему тягостную жизнь, отвѣчаетъ:

Сего зроду нечувалы
Щобъ ридною кровью сабли обмывалы
Острымъ списомъ (копьемъ) о прощенье бралы?

Это таже щастливая оригинальная смѣлость какую находимъ въ стихахъ:

Подъ шеломами повиты,
Подъ щитами возлелѣяны,
Остріемъ копья воскормлены.
(Пѣснь о поход. Игоря.)

Вообще въ пѣсняхъ Малороссійскихъ все просто и благородно. Козакъ, разсказывая происшествіе или открывая чувства свои, не отыскивалъ сравненій и подобій въ мѣстахъ отдаленныхъ, но заимствовалъ оныя изъ предмѣтовъ его окружавшихъ. Напримѣръ:

Нечорныя Хмары ясне солнце заступалы
Не буйные витры въ темномъ лузи бушовалы
Козаки Хмельницкаго ховалы
Свого батька оплакалы.

Какое прекрасное сравненіе благоразумнаго правителя съ яснымъ солнцемъ, печальныхъ воиновъ съ мрачными тучами, общаго смятенія съ шумомъ вѣтра!

Въ другой пѣснѣ хищные Татары нападающіе на молодого Козака уподоблены саранчѣ, стремящейся пожрать благословенную жатву, надежду земледѣльца.

Что касается до картинъ въ цѣлости, то они кромѣ удачнаго выбора предметовъ особенно отличаются естественностію и вѣрностію изображеній. Напримѣръ:

Козакъ ушедшій изъ плѣну спѣшитъ на родину; силы ему измѣняютъ, ослабѣвъ отъ ранъ и голода онъ ложится на холмѣ отдохнуть и — умираетъ; вдругъ:

Орлы сызопиры налитáлы,
Зълоба очи высмыкалы;
Вóвци Сирохманци набигáлы,
Тило козацке рвалы;
По тернáмъ, по прикмитамъ, жовту кость
жваковáлы.

Естьли бы искусный живописецъ взялъ кисть и съ точностію начерталъ каждое слово Поэта, мы бы увидѣли полную и вмѣстѣ разительную картину! „На холмѣ лежитъ умершій Козакъ, сизые орлы выклевываютъ глаза ему; сѣрые косматые волки рвутъ тѣло и растерзавъ на части, гложутъ между кустовъ жолтыя кости несчастнаго! Потомъ сочинитель нѣсколькими словами превращаетъ сіе мрачное описаніе, въ изображеніе тихой горести:

Где се взялась сыза зузуленька,
Въ головахъ сидала
Жалобно ковала,
Якъ сестра брата, або маты сына оплакала.

„Кукушка — символъ горести Малороссіянъ — поетъ надъ головою Козака однозвучную, унылую пѣснь свою; какъ сестра оплакиваетъ брата или мать сына!" Разбирая извѣстнаго Автора, замѣтилъ бы я въ подобномъ случаѣ искусный переходъ отъ ужаса къ нѣжности; разсматривая же пѣсню простаго Коза-

ка, я удивляюсь вѣрности, съ каковою выразилъ онъ движенія своего сердца.

Въ другомъ мѣстѣ прекрасно изображена буря претерпѣнная козаками на морѣ:

На чорному мори,
На билому камни,
Ясенъ соколъ жалобно квылитъ, проквиляе
Смутно себе мае,
Що на чорному мори недобре ся починае.

Истинно піитическое вступленіе! Среди чорнаго моря, на бѣломъ камнѣ, сидитъ соколъ и крикомъ своимъ возвѣщаетъ бурю; но вотъ она начинается:

Уси звизды потмарыло,
Половину ясности мисяца закрыло,
Съ той Хмары буйные витры вставалы
Судна козацьки на три части разбывалы.
Одну частъ взяло
Въ землю Агарьску занесло.
Другую частъ гирло
Дунайске пожирло.
А третяя зле ся мае
Въ чорному мори потопае!

Можно ли списать природу вѣрнѣе? „Звѣзды потухли, мѣсяцъ чуть свѣтитъ сквозь тучу, изъ нѣдръ ея съ шумомъ вылетаютъ буйные вѣтры, устремляются на козацкія судна, раздѣляютъ на три части; одну уносятъ въ землю Агарянъ, другую пожираетъ челюсть Дунайская, третяя погибаетъ среди Чернаго моря!" Прекрасныя Оссіяновы описанія бури едвали заключаютъ въ себѣ болѣе живости и вѣрности.

Посмотримъ еще картину въ другомъ родѣ. Татары убивъ Козака хотятъ поймать лошадь его, но борзый конь:

До табура прибигае,
По куренямъ гуляе,
Острымы копытамы землю копае,
Смутно ржучи казака свого выклыкае.

Подобное изображеніе неиспортило бы лучшей поемы: я вижу кажется, какъ бурный конь прибѣгаетъ во станъ, смутно ходитъ между шатровъ, остры-

ми копытами роетъ землю и унылымъ ржаніемъ вызываетъ козака своего! Что же дѣлаютъ при видѣ семъ товарищи храбраго? Бросаются къ оружію, скачутъ въ поле отбиваютъ у Татаръ тѣло сподвижника своего, останавливаются и

Острымы саблямы суходилъ копаютъ,
Шапкамы, приполамы персть выбираютъ,
Ивану Коновченку высоку могилу насыпаютъ,
Въ семи пядни пищали гремаютъ,
У суремки выграваютъ,
Славу Козацьку выхваляютъ.

Вотъ картина достойная искусной кисти; прекрасное изображеніе Героическихъ, того времени, обычаевъ! Посреди поля козаки острыми саблями роютъ могилу, опускаютъ въ оную тѣло убитаго своего товарища, шапками носятъ землю, насыпаютъ высокой холмъ, стрѣляютъ, трубятъ въ трубы и наконецъ съ унылой пѣснію въ честь храбраго оставляютъ печальную могилу его.

Приведенныхъ мною примѣровъ кажется достаточно для того, что бы Читатель могъ о картинахъ встрѣчающихся въ старинныхъ Малороссійскихъ пѣсняхъ здѣлать основательное заключеніе, что же касается до чувствъ то сіе и того удобнѣе: Малороссійская поэзія ими исполненна. Вообще проглядываетъ въ оной тихое уныніе повсюду сопутствующее Поэту. Можетъ быть причиною сему бѣдствія, безпрерывно болѣе трехъ вѣковъ отягчавшія Малороссію и бросившія, такъ сказать, на самый характеръ народа какую то тонкую тѣнь печали. Обыкновенно изображается въ Малороссійскихъ пѣсняхъ смерть какого нибудь козака, неожиданный походъ, набѣги Татаръ, нещастная любовь и тому подобное. Вотъ какъ, на примѣръ, мать отправляетъ на чужую сторону сына своего гонимаго вотчимомъ:

Иды ты сыну межь чужіе люде
Чине луче тоби на чужинѣ буде?

Тяжко, тяжко мини тебе зъ дому отправляты,
А ще тяжче биля себе въ знегодьи держаты!
Хоть поидешь на чужину, слезы мини литы;
Хоть оставлю тебе сынку, по всякъ часъ тужиты!

Здѣсь видно сердце матери раздираемое настоящимъ горестнымъ положеніемъ сына и неизвѣстностію, которая грозитъ ей въ будущемъ. „Тяжело, тяжело, говоритъ она, растаться съ тобою сынъ мой; но и того тягостнѣе всечасно видѣть тебя въ нещастіи! Поедешь ли—я должна лить слезы, останешся ли—страдать всечастно!" Она желаетъ и страшится разлуки; что можетъ быть мучительнѣе положенія сего? — Сочинитель конечно не имѣлъ никакого понятія о правилахъ поезіи; не зналъ ни Горація ни Буало, ни Батте ни Ешенбурга — но природа щедрая къ любимцамъ своимъ, внушила ему сіи щастливыя выраженія.

Вслѣдъ за приведенными мною стихами изображена минута отъѣзда коза-

ка изъ дому: уже онъ изготовился въ путь, и вотъ:

Старшая сестра вороного коныка выводыть,
Средня збрую срибную выносить,
Щой найменьша, горько рыдае,
Словамы промовляе:
Зъ якой тебе брате,
Стороненьки ждаты?

Съ какою точностію изображены горестныя минуты разлуки, когда сжатое сердце не въ силахъ бываетъ открыть себя, когда желаемъ и боимся прервать тягостное молчаніе! — Въ задумчивости стоитъ козакъ, старшая сестра выводитъ ему коня воронаго, средняя выноситъ доспѣхи козацкіе, мертвая тишина окружаетъ всѣхъ, наконецъ меньшая сестра какъ бы преодолѣвъ себя, спрашиваетъ рыдая, съ какой стороны ожидать тебя братъ мой? Козакъ отвѣчаетъ:

Возьмы ты сестро жовтого писку
Да посій ты сестро на билому камни;
Коли буде жовтый писокъ выростаты,
Зеленымъ барвинкомъ камень устилаты
Въ той часъ буду до васъ прибуваты!

Стихи сіи кромѣ удачнаго изображенія горести козака, привязаннаго къ отчизнѣ своей и роднымъ, представляютъ вмѣстѣ способъ выражаться подобіями и сравненіями или лучше сказать признаками, способъ свойственный всѣмъ народамъ во время младенчества ихъ; у литераторовъ же извѣстный подъ названіемъ Эмфазиса. — Такъ не рѣдко то, что въ началѣ происходитъ отъ нуждъ и бѣдности народа въ послѣдствіи составляетъ роскошь его! Но обратимся къ разсматриваемой нами пѣснѣ: „Козакъ уѣзжаетъ, уже онъ чуть виденъ въ дали, гдѣ же родные его?... Въ концѣ деревни зеленѣетъ холмъ, нѣсколько женщинъ въ уныніи стоятъ на ономъ простирая по дорогѣ печальный взоръ свой, это они, это его родные. Долго, долго провожаютъ они глазами любимца своего, наконецъ козакъ сокрылся и печальное семейство съ горестію возвращается, домой дабы еще долѣе его оплакивать!

Довго воны на могилѣ крій села стояли,
Довго, довго козаченька вичми провожалы,
А ще довше воны его дома оплакалы.

Какое чувство и живость изображенія! Читая мѣсто сіе невольно воспоминаю трогательную разлуку Гектора съ Андромахой. Малороссійскій сочинитель безъ сомнѣнія не читывалъ Илліады и не слыхалъ о Гомерѣ; но законы природы общи и неизмѣнны. Человѣкъ истино тронутый предметомъ своимъ говоритъ ясно, рѣзко и часто весьма сходно съ другимъ, отдаленнымъ отъ него и пространствомъ и временемъ, но находившемся въ подобномъ положеніи.

Наконецъ во многихъ Малороссійскихъ пѣсняхъ, какъ я выше упомянулъ, изображены обычаи и характеръ народа. Въ одномъ мѣстѣ видно напримѣръ то щастливое время когда *четыре вола и двѣ лошади* составляли богатство; въ другомъ одежда и домашніе обряды Малороссіянъ; въ иномъ гостепріимство

ихъ, почтеніе къ родителямъ увѣренность въ провидѣніи и тому подобное Я могъ бы привесть на все сіе множество примѣровъ; но боюсь наскучить читателю предмѣтомъ, который для меня столь занимателенъ; воспоминаніе о родинѣ наполняетъ душу какимъ то неизъяснимымъ удовольствіемъ.

Предварительныя замѣчанія.

Читатель не знающій Малороссійскаго нарѣчія долженъ замѣтить.

1) Что Малороссіяне во всѣхъ глаголахъ наконцѣ, также въ творительномъ падежѣ, а часто и въ другихъ случаяхъ, употребляютъ *ы* вмѣсто *и* напримѣръ доганялы, *благословляты, рукамы, ногами, сыла* и проч. т. е. доганяли, благословляти, руками, ногами, сила и проч.

2) Букву *ѣ* во всѣхъ случаяхъ замѣняютъ буквою *и* напр. *пишій, крипкій, въ доми* вмѣсто пѣшій, крѣпкій въ домѣ.

3) Окончаніе глаголовъ на *іе ае* и *яе* а въ усѣченномъ на *а* и *я* показываетъ третее лице настоящаго времени на при *богатіе, аліе, гуля. гуляе, чита читае,* т. е. богатѣетъ, алѣетъ, гуляетъ, читаетъ.

4) Окончаніе глаголовъ на *въ* показываетъ третее лице прошедшаго времени напримѣръ *поспишавъ, ходывъ,* вмѣсто ходилъ, поспѣшалъ.

5) Окончаніе на *тьця* показываетъ не опредѣленное наклоненіе возвратныхъ, взаимныхъ и общихъ глаголовъ, на примѣръ: *хвалытця*, *бытьця*, *боятця;* вмѣсто хвалится, биться бояться.

6) Окончаніе на *ты* показываетъ неопредѣленное наклоненіе дѣйствительныхъ и среднихъ глаголовъ, на примѣръ: *читаты*, *ходыты,* вмѣсто читать, ходить.

7) Въ мѣстоимѣніяхъ личныхъ и возвратныхъ наконцѣ вмѣсто буквы *я* употребляютъ *е* на пр. *тебе, мене, себе,* вмѣсто тебя, меня, себя.

8) Предлогъ *зъ* употребляютъ вмѣсто *изъ* и *съ* напримѣръ *зъ дому*, *зъ вами* т. е. изъ дому, съ вами.

9) *зо* вмѣсто *со* и *одъ* вмѣсто *отъ* на примѣръ *зо всимы оддаваты* т. е. со всѣми отдавать.

10) *У* вмѣсто *въ* и на оборотъ напримѣръ у *городѣ*, *въ насъ* т. е. въ городѣ, у насъ.

11) *до* вмѣсто *къ* напримѣръ *до васъ*, *до рички* т. е. къ вамъ, къ рѣкѣ.

-∋-•-◇-•-∈-

СТАРИННЫЯ МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ.

I.

О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова. (*)

Изъ города изъ Азова не велыкіе туманы
вставалы,
Три брата ридненькихъ изъ города изъ Азова
утикалы:
Два конныхъ, третій пишій заными подбигае
Кровью слиды залывае
Словами Промовляе :
„Станьте вы братцы коней попасите

(*) Азовъ — на лѣвой сторонѣ Дона около 10 верстъ отъ устья его, извѣстенъ въ древности подъ именемъ *Тана* или *Танаиса* построенъ греками еще до Рождества Христова; сначала принадлежалъ Грекомъ, потомъ Монголцамъ, потомъ Капчатскимъ Ханомъ, подъ владѣніемъ которыхъ торговали въ ономъ Генуезцы и Венеціане. Въ 1475 году завоеванъ Турками и находился послѣ, то въ Турецкомъ, то Россійскомъ владѣніи, пока наконецъ 1774 году навсегда присоединенъ къ Россіи.

Мене подождите,
Съ собою возмите,
До городивъ Христіанскихъ подвезите“
То середульшій тее зачувавъ,
Старшаго пытавъ;
То старшій ему промовлявъ:—
Чи щежъ тоби не далася тяжкая неволя знаты ? . .
Якъ будемъ мы брата дожидаты,
Буде насъ погоня догоняты ,
Буде насъ стреляты, рубаты,
Або въ тяжкой работи будемъ пропадаты —
„Колыжъ мене братци нехочите ждаты,
Ставъ меньшій промовляты,
То прошу васъ братцы, на праву сторону звертайте,
Сабли изъ пихъ вынимайте ,
Тило мое порубайте ,
Въ чистомъ степу поховайте,
Звирю да птыци на поталу недайте!“
То середульшій тее зачувавъ
Словами промовлявъ :
—Сёго брате зъ роду нигдѣ нечувалы ,
Щобъ ридною кровью сабли обмывалы,
Або острымъ списомъ о прощенье бралы.
„Колыжъ не хочите братци мене рубаты ,
То прошу васъ братци, якъ будете до байракивъ прибуваты,
Терновы витки въ заполье рубайте,
Мини признаку покидайте,“

То вже два козаки въ байраки въижае,
Середульшій брашъ милосердіе мае,
Терновы випкы рубае,
Меньшому брашу примишу покидае.
А якъ сталы на Муравскій Шляхъ (*) выизжаты,
Ничимъ ёму признакавъ покидашы;
Винъ червону Кишайку спидъ жупана выдырае,
По шляху роскидае,
Меньшому брашу примишу оставляе.
То якъ ставъ пишеходецъ съ шернивъ выходыпы,
Ставъ червону Кишайку находышы;
„Не дурно, промовляе,
Червона Кишайка по шляху валяе,
Мабушь моихъ брашьивъ на свиши не мае!..
То зъ города погоня вставала
Мене въ шернахъ на спочиви мыновала
Брашивъ моихъ догоняла!...

(*) Муравскій Шляхъ, ш. е. Муравская дорога, есть, говоряшь, и шеперъ дорога въ южномъ конецѣ Украинской губерніи, называемая симъ именемъ, вѣрояшно ша самая чрезъ которую должны были бѣжать плѣные. Сіе шѣмъ болѣе кажется мнѣ вѣрояшнымъ, что посему же направленію отъ Азова къ Муравской дорогѣ находишся деревня Даниловъ Байракъ (Академ. Акшы 1745 года). Получавшая конечно названіе отъ байраковъ, между коими выстроена и о которыхъ шакъ же упоминается въ пѣснѣ сей.

Колыбъ мини Богъ
Милосердый, помогъ
Тило козацке (*) находиты
Въ чистомъ полѣ хорониты!,,
То тее промовлявъ
До *Саворъ* могилы (?) прибувавъ,
Отъ голоду, ранъ знемогавъ,
Пидъ Саворъ могилой спочивавъ.
Въ той часъ сызы орлы налиталы,
Пильно въ очи козакови заглядалы.
Козакъ тее забачее
Словами промовляе:
,,Орлы сызо-пиры,
Гости мои мыли,

(*) Козакъ названіе весьма древнее означаетъ на татарскомъ языкѣ человѣка бездомовнаго ведущаго жизнъ кочевую Доказательствомъ сего могутъ служить *Киргизъ-Кайсаки*, народъ татарскаго племени, которой самъ себя называетъ *Сара Кайсака*, т. е. степные Козаки, — равно какъ и то, что во время татарскаго въ Россіи владѣчества поставляемые отъ нихъ правители имѣли при себѣ по нѣскольку сотъ вооруженныхъ Татаръ, которые поелику были пришельцы и не имѣли постоянныхъ жилищъ, назывались такъ же козаками, да и нынѣ на малороссійскомъ нарѣчіи *козаковать* значитъ: не имѣть постояннаго занятія и жилица. Названіе Козаки есть, можетъ быть, переводъ названіе *Полянс*, которые, какъ видно изъ Нестора, жили на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и безсомнѣніе были предки малорос. Козаковъ.

Прошу я васъ тогди налитаты,
Зъ лоба очи мини сысмыкаты,
Якъ не буду я свита божаго выдаты."
То тев промовлявъ
За часъ за годину милосердому Богу душу
оттдавъ.
Тогди орлы налитали,
Зъ лоба очи высмыкалы,
Вовцы сирохманци набигалы,
Тило козацьке рвалы,
По тернамъ по прикмитамъ жовту кость
жваковалы.
Гдѣ се взялась сыза зазуленька, въ головахъ сидала
Жалобно кувала;
Якъ сестра брата, або маты сына оплакала.
Тогди старши браты на поля Самарски выизжаютъ,
Надъ ричкою Самарскою (*) опочивку соби
маютъ,
Коней попасаютъ.
Въ той часъ безбожныи бесурманы набигалы
И тихъ двухъ братьевъ порубалы,
Тило козацьке Карбовалы ,
Въ чистомъ поли роскидалы,
Головы на сабли вздымалы,
Довго Глумовалы.

(*) Самарка впадывающая въ Днѣпръ съ лѣвой стороны нѣсколько ниже пороговъ.

II.

О Алексѣе Половичѣ или о бурѣ претерлѣнной Козаками на Морѣ.

На чорному мори,
На билому камни,
Ясенъ соколъ жалобно квилытъ проквиляе,
Смутно себе мае,
Що на черному мори не добре ся починае.
Уси звизды потмарыло,
Половину ясности мисяца заступыло;
Съ чорнои Хмары
Буйные витры вставалы,
Судна козацьки на три части розбывалы;
Одну чаетъ взяло
Въ землю Агарьску занесло,
Другую чаетъ гирло
Дунайске пожирло,
А третяя зле ся мае
Въ чорному мори потопае.
Притій части бувъ Грицько Збороскій
Атаманъ Козацькій Запорожскій (*)

(*) Запороженіе Козаковъ суть отраель Козаковъ Малороссійскихъ; они воспріяли начало свое въ 16 столѣтіи отъ переселенія Малороссіянъ принадлежавшихъ, тогда польшѣ къ нижнимъ странамъ Днѣпра такъ же къ Бугу и Днѣстру для охраненія границъ. Въ 1506 году

Той по судну кохожае
Словами промовляе:
„Хтось межь нами, Панове! великій грихъ на
собі мае,
Щось дуже злая Хуртовина на насъ налягае;
Сповидайтеся Панове! милосердому Богу,
Чорному морю, и мени Атаману Кошовому.
Въ черное море впадите
Війска козацькаго не губите!„
То козаки тее зачували
Замовчалы;
Бо въ грихахъ себе не знавалы!
Тилько обизвется *Писарв Войсковвій* (*)
Козакв Лейстровввій (**)

извѣстенъ былъ одинъ изъ оныхъ переселенцовъ Дашкевичь имѣвшій около 6000 войска называемаго Козаками. Атаманъ означаетъ вообще начальника. Козаки имѣли двухъ родовъ Атамановъ, *Кошовыхв*, то есть начальниковъ всего войска отъ татарск. слова *Кошь*, что значитъ Лагеръ или Станъ, и Атамановъ *Куринныхв*, т. е. начальствующихъ надъ частію Козаковъ, отъ слова *Курень*, дымящаяся куча, употребляемомъ въ переносномъ смыслѣ для означенія жилища или пристанища.

(*) *Писарь Войсковый*, родъ войскового секретаря. Онъ читывалъ въ собраніяхъ всѣ получаемые дипломатическія и другія важныя бумаги, и писалъ на оные отвѣты. У запорозс. Козаковъ писарь восиоминаемъ былъ при Ектеніяхъ (моленіе при переносѣ) послѣ Кошового и судіи.

(**) Козакъ Лѣйстровый правильнѣе реэстровый, т. е.

Пирятынскій (*) Поповичь Алексій:
„Мини чорною Китайкою очи завяжите,
До шіи билый камень причипите,
Въ чорное море зопхните;
Нехай буду одинъ погибаты·"
Козацькаго Війска незабавляты.
То козаки тее зачували —
„Алексію Поповичу! — промовляли —
Ты святее письмо читаешь,
Насъ простыхъ людей на все добре наставляешь,
Защоты на соби великій грихъ маешь? . . .
„Якъ я съ Пирятына Панове! выизжавъ,
О прощенья съ Панотцемъ съ Паниматкою не бравъ,
Диты маліи
Вдовы старіи,
Стремямъ у груди товкавъ;
Безпечно по улицамъ конемъ гулявъ,
Противъ Церкви, дому Божаго, произжавъ,
Шапки съ себе не знимавъ,
Креста на себе не клавъ!
За те я Панове великій грихъ маю
Теперь погибаю! . . .

состоящій въ реэстръ дѣйствительно служащихъ Козаковъ для отличія отъ прочихъ жителей Малороссіи, которые всѣ вообще назывались Козаками.

(*) Пирятинъ, уѣздной городъ Полтавск. губерніи.

Колыбъ мене сяя
Хуртовина злая
Въ мори невтопыла,
Отъ смерти молытва бороныла,
То знавъ бы я отца, матерь поважаты,
И старшаго брата — и сестру ридненьку
Заненьку
У себе маты. " —
То якъ ставъ Поповичь грихи сповидаты
Стала злая Хуртовина утихаты;
Судна козацьки догоры якъ рукамы подни-
мало,
До Тентрева (*) острова прибывало. —

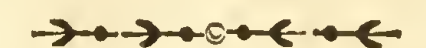
*

О тимъ бы то, Панове треба людей по-
важаты
Панотця, Панimатку добре шановаюты!
Бо который человѣкъ тее уробляе,
Повикъ той щастье соби мае:
Смертельный мечь того минае,
Панотцева, Панимаmчина молитва со дна
моря вынимае
Отъ грихивъ смертельныхъ душу откупляе.

(*) Тентревъ островъ, т. е. Тендра, лежащій на чорномъ морѣ въ лѣво отъ устья Днѣпра неподалеку отъ берега.

III.

О смерти Ивана Коновченка или о походѣ Козаковъ противъ Татаръ (*).

На славній Украини,
У славнимъ городѣ у Корсуни, (**)
Кликне покликне Филоненку,
Короунскій Полковнику:
Годи вамъ, Панова молодци! домоваты,
Идите зо мною не *Черкеню долину* гуляты,
Славы рыцарства козацькому війску доставаты.

О тогди по городамъ немузыки выгравалы,
Есаулы войсковіи похожалы,
Листы читалы,
Козаковъ въ походъ выкликалы;
А хто буде, Панотцевого, промовлялы,
Неди-лишняго обида дожидаты,
Той буде Филоненка,
Корсуньскаго Полковныка,
Въ шести мыляхъ догоняты.

*

(*) Козаки часто дѣлали таковые походы. — Во время Гетьмана Скалозуба, умершаго 1590 году, Амуратъ III принужденъ былъ за сіе жаловатся на нихъ польшѣ.

(**) Корсунь, въ Кіевской губерніи.

У городи у Черкаси жила вдова старенька,
Мала соби сына Ивася вдовыченка Коновченка,
Вона тее перше его зачувала
До Господы найскорите прибувала,
Уси кони изъ Господы позсылала,
Все оружье у комнату замыкала,
Къ дому божому, до церквы поспишала.
То Ивась отъ сна причинае,
По хати поглядае,
Ажъ ни одной сабли булатной,
Пищели семи пядной,
На спини ни мае,
У станы ухожае,
А на стани ни одного
Коня вороного.
Винъ неньку
Стареньку
Биля церкви доганяе,
Словами промовляе:
Не добре ты маты згадала,
Що вси кони изъ господы посылала,
Все оружье у комнату замыкала,
А лучебъ ты маты вробыла,
До города Крылєва (*) одъ издыла
Сто злотыхъ Жиду Олондарю давала;
У наряди доброго коня куповала,
Мене молодаго въ походѣ знаряжала.

(*) Крыловъ, въ Кіевской губерніи.

,,Маешь ты четыре волы чубаныи,
Два кони отцевски вороныи,
Можешь добре у Черкаси поживаты,
Козаковъ на хлибъ на силь заклипаты."
,,Що мни съ того що буду я добре поживаты;
Будуть мене козаки за хлибъ за силь повижаты,
Тилько будуть мене маты,
На пидпыпку, Гречкосіемъ, домонтаремъ величаты,
Коня мого приблудую называты.
Евже мини нечесть не подоба порильямъ спотыкаты,
Жовтыхъ чобитъ Каляты,
Доргіи сукна пыломъ набываты!
А хочется мини маты,
Питы пидъ городъ *Тягиню* (?) гуляты,
Славы рыцарства доставаты."
То тее промовлявъ,
У неньки старенькои благословенье бравъ,
Изъ дому отцевскаго поспитавъ,
На чоркеню долину съ козаками прибувавъ.

*

Не ясенъ соколъ на долини по табуру гуляе,
Не билая лебедъ спивае.
Полковникъ Филоненко похожае
Словами промовляе:
,,Который то Панове, молодци! Козакъ дородный

Ще й кинь пидъ нимъ воздобный,
Пиде зо мною на Черкеню долину гуляты,
Славы рыцарства козацькому війску достодоставаты?
То Ивась Коновченко тее зачувавъ,
На передъ всихъ благословенія прохавъ.
„Ты дытына Ивасю молода, Полковникъ промовлявъ,
Ни на поли, ни на мори небувало;
Смерти биля себе невыдало,
Якъ звычаи козацьки познаешь
Луче тогди погуляешь.“
— „Не вси стари птыци высоко литають,
Не вси стари щуки карасивъ хватають,
Трапляется, батьку! що крича малее
Ловить рыбку краще нижъ старее.“ —
То Ивась тее промовлявъ:
Съ Полковникомъ на долину выизжавъ,
Двенадцать татаръ предъ мечь принявъ,
Шисть на арканъ звязавъ,
Филоненку гостинця подававъ.
То Полковникъ бесурменовъ принимае,
Ивася Коновченка биля себе сажае,
Славу его выхваляе.
То Ивась великую радость мае
Словами промовляе:
„Благословы мини Батьку! оковытой напится,
Я не зарикаюсь съ бесурманамы ще луче побится“
— Невелю я тоби сыну оковытои напываты

Да итты съ бесурменами на долину гуляты;
Колижъ вже ты хочешь еи напиваты,
То велю въ моимъ на метпи лягты спочиваты—
„Сей мини хмиль не буде заважаты;
А буде моему сердцу смислости до доваты.“

*

То не вихорь по Черкени долины гуляе,
Не сизый орелъ ястребивъ ганяе,
Вдовиченко Коновченко на ворономъ кони
разъизжае,
Мечемъ своимъ якъ блискавна сіяе,
Трехъ татаръ Яничаръ съ коней сбивае;
Тогди саблю булатну опускае,
Козакамъ рыцарство свое выхваляе,
Безпечно по долыни розъизжае,
Бесурменивъ на смихъ пиднимае.
То безбожни бесурмены тее зачували,
Напылаго козака заразъ познавалы,
Бильше ему поля гуляти попускалы,
Отъ табура козацькаго заразъ отбивалы,
Гнѣвомъ Божимъ саранчою (*) на козака нали-
талы,
Шаблями, пистолями, смертныя раны даровалы
Тилько коня козацькаго непіймалы.
То добрый конь до табура прибигае,

(*) Въ Малороссіи простой народъ; и по нынѣ увѣренъ, что Саранча на крыльяхъ своихъ имѣетъ письме на Аравійскія означающія: *гнѣвъ божій*.

По куренямъ гуляее,
Острыми копытами землю копае,
Смутно ржучи козака свого выкликае.
То Филоненко тее зачувавъ,
Изъ намета свого выступавъ,
Словами промовлявъ:
„О це вы братци не добре зробылы,
Що напылого козака гуляты пустылы,
Мовь вы сами его съ свита згубылы.
Добре вы убайте,
Оружье заправляйта,
Бесурменивъ отъ тила козацькаго отбывайте,
Бо вже не даромъ козацькій конь по табуру гуляе,
Мабуть Ивася Коновченка на свисти не мае."
То козаки тее зачувалы
На долину най — скорише поспишалы,
Бесурменивъ отъ тила козацькаго отбывалы,
Шаблями, надилками, суходилъ копалы,
Шапкамы, триполамы перстъ выбиралы
Ивасю Коновченку могилу насыпалы.
Въ семипядни пищели гремалы,
У суремки жалобно выгравалы,
Славу козацьку выхвалялы.
Скоро писля шого сталы козаки табуръ знимашы,
У города Христіански уступашы.
То вдова старенька —
Маты, Ивася Коновченка —

Не удоми ся мала,
На базари солодкій медъ выставляла,
Сына своего Ивася Коновченка выглядала,
Перва сотня наступае,
Вдова сына невыдае,
Друга сотня вступа самъ Хорунжій попереду иде,
Два козака козацького коня на поводахъ веде.
Вдова шее забачала
Жалобныи слова промовляла,
Славы, смерти сына своего пытала,
Всихъ козаковъ на хлибъ на силь закликала,
Похороны й весилье Ивасю отбувала;
Полковныку козацькаго коня даровала,
Старшимъ сабли, пищели Ивася роздавала.

*

Полягла козацька молодецка голова,
Якъ одъ витру на степу трава!
Слава на вмре ни поляже,
Рыцарство козацьке всякому роскае.

IV.

О хитрости употребленной Богданомъ Хмельницкимъ противъ Барабаша (*).

Изъ день годыны,
Якъ стала тревога на Украини.
То никто не може обибраты,
За виру Християнску одностайне статы;
Тилько обибрались Барабашъ да Хмельницкій
Да Климъ Билоцерковскій;
До Короля выступалы,
Листивъ *Наверсаливъ* прохалы.
То Король наверсалы писавъ
Самому Барабашу до рукъ подававъ,
А Барабашъ листы якъ взявъ,
Три годы козакамъ знаты недававъ, (**)

(*) Въ пѣснѣ сей смѣшано два произшествія: хитрость употребленная Богданомъ Хмельницкимъ (1648) къ открытію Барабаша и жалобы Малороссіянъ, королю Владиславу, на притѣсненія отъ Польши, что случилось какъ видно изъ самой пѣсни, тремя годами прежде. Барабашъ былъ тогда Гетьманскомъ, а Богданъ Хмельницкій секретаремъ его.

(**) Барабашъ желая усилить власть свою вступилъ въ тайную переписку съ Поляками, и когда они писали

То Хмельницкій шее догадавъ;
Кумомъ его до себе до города Чигрина (*)
прохавъ,
Добре угощавъ.
А якъ сшавъ Барабашъ на пидпишку гуляшы
Ставъ ему Хмельницкій казашы:
„Годи шоби пане Куме лисшы Королевски держашы,
Дай мини хоть прочишашы!“
— На що шоби Пане куме ихъ знашы,
Мы дачи не даемъ,
Въ війско Польске нейдемъ;
Не лучебъ намъ зъ ляхами,
Мусцивыми Панами,
Мирно пробувашы;
А нижъ піишы лугивъ попырашы,
Своимъ шиломъ Комаривъ годовашы.
То Хмельницкій шее зачувавъ,
Ще лучихъ напишковъ подававъ.
То Барабашъ якъ упився
На лижко спашы звалився.
Тогда Хмельницкій ключи ошбиравъ,

ему однажды чшо бы онъ запрешилъ Козакамъ дѣлашь набѣги, онъ ошвѣчалъ: „придише сами и ошмсшише, я обѣщаю во всемъ помогашь вамъ.“ Изъ исторіи видно, чшо они хошѣли исшребашь запорожкихъ Козаковъ.

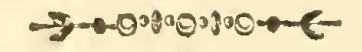
(*) Гигиринъ, въ Кіевской губерніи, мѣсшо рожденія и смерши славнаго Богдана Хмельницкаго.

Чуру свого до города Черкасы посылавъ,
Веливъ ключи Паньи Барабашовой подати,
Листивъ Королевскихъ пытаты. (*)
То чура до ней прибувае
Словами промовляе:
„Пани Барабашова твій панъ ставъ у насъ гуляты,
А тоби веливъ листы Королевски податы —
„Десь моему Пану лихомъ занудылось,
Що съ Хмельныцкимъ гуляты схотилось.
Пиди въ глухимъ коньци пидъ воротьмы
Листы Королевки въ шкатули возмы“ —
То чура скоро листы доставъ,
Днемъ и ночью до Чигрина поспишавъ;
Скоро прибувавъ
Самому Хмельницкому листы подавъ.
Тогди Барабашь рано прочинае
У карманы поглядае,
Ажъ ключавъ немае;
Винъ старосту Кричевскаго пробужае,
Двійми киньми тихо здвора выижжае,
Думяе гадае

(*) Хмельницкій давно уже подозрѣвалъ Барабаша въ тайномъ сношеніи съ Поляками, почему и употребилъ у поминаемую здѣсь хидрость къ открытію его.

Якъ пана Хмельныцкого до рукъ прибраты
Ляхамъ отдаты. (*)

(*) Несбылосъ сіе; Хмельницкій схвативъ переписку Барабаша тотъчасъ отправился къ Запорозцамъ, которые узнавъ о намѣреніяхъ Гетьмана, избрали Хмельницкего своимъ начальникомъ. Между тѣмъ Барабашъ съ присланными отъ Польши войсками и частію преданыхъ ему Козаковъ устремился на Запорожцовъ, но Хмельницкій встрѣтивъ его разбилъ и принудилъ бѣжать въ Польшу; самъ же единогласно избранъ Малороссійскимъ Гетьманомъ.

V.

О походѣ Богдана Хмельницкаго въ Молдавію. (*)

Изъ низу Днипра Тихій витеръ віе повивае,
Війско Козацьке въ походъ выступае,
Тилько Богъ святый знае
Що Хмельницкій думае гадае.
О тимъ не знали: ни сотныки,
Ни Атаманы Куринныи, ни Полковныки,
Тилько Богъ святый знае
Що Хмельницкій думае гадае!
Якъ до Днистра прибувалы
Чрезъ три перевозы переправу малы;
Самъ Хмельницкій на передъ всихъ рушавъ,
До Хатіи (**) прибувавъ,
У старшаго Копытана на кватыри ставъ,
До Василя Молдавскаго (***) листы посылавъ,

(*) Сіе случилось кажется въ 1657 году, когда Богд. Хмельницкій съ 4000 Козаковъ ходилъ въ Молдавію на помощь Татарамъ.

(**) Хотія т. е. Хотинъ.

(***) Василій Липула, Господарь Молдавскій.

Словами промовлявъ:
Що ты зо мною будешь гадаты:
Чи будешь бится,
Чи будешь мирится,
Чи на примырье будешь приматы,
Чи Славной Волощины (*) половину отдаваты?
То Василій Молдавскій тее зачувавъ,
До Потоцкаго листы посылавъ,
Словами промовлявъ:
,,Гетьмане Потоцкій! (**)
Що въ тебѣ розумъ жиноцькій!
Ты за дорогими напитками бенкетами уганяешь!...
Чомъ ты Хмельницкаго неезнаешь?
Вже почавъ винъ землю кинскими копытами ораты,
Кровью Молдавскою полываты!"
Тогди ляхи изъ города изъ Сочавы утикалы (***)
Василію Молдавскому знаты давалы,
То Василій Молдавскій до Ясъ прибувае
Словами промовляе:
Гой вы Ясы мои, Ясы!
Булы есте бирзо красны,

(*) Волощина т. е. Валахія.

(**) Потоцкій Николай, Коронный Гетманъ Польскій.

(***) Сочава т. е. Сучава около полутораста верстъ на югъ отъ Хотина.

Давже не будете таки
Якъ придуть казаки!“ (*)
То Панъ Хмельницкій добре учинывъ:
Польшу засмутывъ,
Волощину побидывъ,
Гетьманщину (**) взвеселывъ!

*

Въ той часъ була честь, слава,
Войсковая справа!
Сама себе на смихъ недавала,
Непріятеля пидъ ноги топтала!

(*) Василій Липула для прекращенія войны сей долженъ былъ заплатить двадцать тысячь дукатовъ Татарамъ и обѣщать дочь свою Ирину въ супружество старшому сыну Хмельницкаго Тимофею.

(**) Гетьманьщина т. е. Малороссія.

VI.

О смерти Богдана Хмельницкаго (*).

За журилася Хмельницкаго сидая голова,
Що приёму ни сотниковъ ни Полковниковъ
нема,
Часъ приходить умираты,
Ни кому парады даты.
Поклыкне винъ на Ивана Луговскаго,
Писаря войсковаго,
„Иванъ Луговскій,
Писарь войсковый!
Скорише бижи
Да листы пиши,
Щобъ Сотныки, Полковныки до мене прибу-
валы,
Хошь мало параду давалы"
То Иванъ Луговскій,
Писарь войсковый,
Листы писавъ
До всихъ разсылавъ,
То сотныки, Полковныки, якъ ихъ прочишалы
Усе покидалы,

(*) Хмельницкій Богданъ умеръ 1657 Августа 15.

До Гетьмана Хмельницкаго скорій прибувалы.
То Гетьманъ добре ихъ принимае
Словами промовляе:
„Панове. молодцы! Добре вы дбайте
Соби Гетьмана наставляйте,
Бо я старъ, болію,
Бильше Гетьманомъ нездолію! - .
Колы хочете, Панове! Антона волочая Кіевскаго,
Альбо Грицька Костыря Миргородскаго,
Аль бо Филона Чичая Кропивьянскаго,
Аль бо Мартына Пушкаря Полтавскаго."
То Козаки тее зачували,
Смутно соби малы,
Тяжко вздыхалы,
Словами промовлялы:
Не треба намъ Антона Волочая Кіевскаго,
Ни Грицька Костыря Миргородскаго,
Ни Филона Чичая Кропивьянскаго,
Ни Мартына Пушкаря Полтавскаео;
А хочемъ мы сына твого Юруся молодаго
Козака Лейстрового —
„Винъ Панове молодци! Молодой розумъ мае,
Звычаевъ Козацьихъ незнае"
Будемъ мы старыхъ людай биля его держаты,
Будуть воны его научаты,
Будемъ его добре поважаты,
Тобе Батька Гетьмана! Вопоминаты!..

То Хмельницкій шее зачувавъ,
Великую радость соби мавъ,
Слезы проливавъ,
Сидою головою поклонъ отдававъ,
Скоро писля того щей гирше Хмельницкій знемогавъ,
О прощенье зо всими прымавъ,
Молосердому Богу душу отдававъ.
То Нечорни Хмары ясне сонце заступалы,
Не буйныи витри въ темномъ лузѣ бушовалы,
Козаки Хмельницкаго ховалы,
Батька своего оплакалы;
А молодый Юрусь пидъ Билою Церквою (*) гуляе
О смерти отцовскій незнае,
Скоро Лейтары до его прибувалы
Листы подавалы,
То Хмельныченко листы якъ прочитавъ,
Свита Божого но взвыдавъ!

. . . .
. . . .
. . . . (**)

(*) Бѣлая церковь около 200 верстъ отъ Чигрина въ Кіевской Губерніи.

(**) Здѣсь какъ видно изъ окончанія пѣсни пропущенно описаніе какимъ образомъ Луговскій или Виговскій захватилъ въ руки свои правленіе, когда онъ сверженъ и что было причиною того.

То не багато Луговскій (*) Гетьмановавъ,
Повтора года булаву державъ.
Скоро сотныки, Полковныки, прибувалы,
Юруся Хмельниченка Гетьманомъ поставлялы,
„Дай же Боже! Козаки промовлялы:
За Гетьмана молодого
Житы якъ за старого,
Хлиба соли его вживаты,
Городы Турецки плендроваты,
Славы Лыцарства Козацькому війску доставаты! (**)

(*) Вѣроятно ошибка въ имени; ибо извѣстно что послѣ смерти Богд. Хмельницкаго былъ Гетманомъ Виговскій Генеральный писарь, избранный въ число наставниковъ молодому Хмельницкому и присвоившій себѣ власть дѣйствительнаго Гетмана. Чрезъ годъ име какъ здѣсь сказано чрезъ полтора — по вторичномъ избраніи (въ Брацлавѣ) Гетманомъ, Юрія Хмельницкаго, бѣжалъ онъ въ Польшу и наконецъ въ 1664 году растрелянъ Полковникомъ Маховскимъ.

(**) Нѣсбылось желаніе добрыхъ, признательныхъ Козаковъ, Юрій Хмельницкій не наслѣдовалъ достоинствъ отца своего; попеременно являлся онъ то робкимъ то дерскимъ — то великодушнымъ то безчеловѣчнымъ. Онъ былъ Гетманомъ, монахомъ, (1665); находился въ заключеніи у Поляковъ (1665), сидѣлъ въ семибашенномъ замкѣ у Турковъ (1669), раздиралъ много разъ междуусобіями отечество свое и наконецъ, удалясь въ Турцію (въ концѣ 1669) никогда уже невозвращался въ оное.

Смерть Федора Безроднаго.

По надъ Сагою
Днипровою,
Молодый Козакъ обидъ обидае,
Ни думае ни гадае,
Що на ёго молодаго,
Щей на Чуру малого,
Бида настигае,
То не вербы Луговіи зашумилы,
Якъ Безбожни Ушкалы налетилы,
Феодора Безриднаго,
Атамана Куринного,
Пострелялы, порубалы,
Тилько Чуры непіймалы,
То малый Чура до Козака прибувае,
Раны ему глубокіи промывае;
То Козакъ ему промовляе:
„Чуро мій, Чуро!
Вирный слуго,
Пиды ты степомъ
По надъ Днипромъ,
Послухай ты Чуро чито гусы кричать,
Чи лебеди ячать,

Чи Ушкалы гудуть,
Чи може Козаки Днипромъ идуть?
Коль гуси кричать,
Або лебеди ячать,
То шы сжены
Колы Ушкалы гудушь,
Мене схороны,
Колыжь Козаки йдушь
То объяви: нехай воны чивны до берега привершаютъ,
Мене Козака Федора Безроднаго навищаютъ,
То Чура малый по берегу пробигавъ,
Козакивъ забачавъ,
Шапкою махавъ,
Словами промовлявъ:
Панове, молодци! добре вы дбайше,
Чивны привершайте
До Апамана Куринного поспишайте,
То Козаки шее зачувалы,
До берега привершалы
Апамана навищалы.
Тогди Козакъ чуру выхваляе,
Словами промовляе:
Чуро мій, чуро,
Вирный слуго,
Колы шы будешь вирно пробуваты
Будуть тебе казаки поважаты,
То шее промовлявъ:
О прощенье совсими бравъ,
Милосердому богу душу ошдавъ,

Тогди Козаки саблями суходилъ копалы,
Шапкамы, приполамы персть выймалы,
Федора Безриднаго ховалы,
Въ семи пядни пищали гремалы
Усуремки жалобно выгвалялы!
То ще добре Козацька голова знала!
Що безъ війска Козацького невмирала!

VIII.

О Гетьманѣ Мазепѣ (*).

Ой ты гадаешь Мазепо! Ты гадаешь изминяты;
Ой ты хочешь, ты хочешь Царя отступаты,
Въ пень Москву рубаты,
А самъ хочишь да настолици Царемъ царствоваты!

*

Ой що взмовишь, Гетьмане Мазепо, къ Палію Семену:
Ой Палію! Палію Семене! (**)
Чи незрадышь ты мене? —

(*) Иванъ Мазепа избранъ Гетьманомъ 1687 году на мѣсто Скалозуба одного изъ достойнѣйшихъ правителей Малоросіи, который будучи оклеветанъ — какъ нѣкоторые думаютъ Мазепою — сосланъ въ Сибирь.

Мазепа, родомъ изъ Подаліи, бывъ Пажемъ при Каземѣрѣ завелъ интригу съ женою нѣкоего Польскаго Дворянина, мужъ схвативъ его вѣлѣлъ привязать на гого къ дикой лошади и пустить въ поле: лошадь, родившаяся въ Украинѣ, примчала его полумертваго къ Козакамъ. „Такъ расказываютъ Исторію Мазепы. Это похожо на басню, которую однакоже Волтеръ помѣстилъ въ Исторіи Карла XII.

(**) Палій храбрый Полковникъ учавствовавтій послѣ въ Полтавской побѣдѣ.

„Ой якъ же я маю, Гетьмане Мазепо! тебе изражаты,
Коли ты будешь Гетьмана Мазепо добро починаты?“ —
„Я думаю, Палію Семене! Въ пень Москву рубаты;
А самъ хочу да на столици Царемъ царствоваты.“ —
„Впередъ же ты будешь Гетьмане Мазепо у стовпа (*) стояты,
А нижъ будешь да настолици Царемъ царствоваты!
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . (**)
Ой пье Палій, ой пье Семенъ! Да головоньку клонить
А Мазепынъ чура Палію Семену кайданы готовыть,
Ой пье Палій, ой пье Семенъ! и зъ нигъ извалывся,
Барзо тому Гетьмане Мазепо стоя удывывся,
Ой поклике Гетьманъ на свой лейтпары,

(*) Въ Малороссіи былъ обычай привязывать преступниковъ къ столбу стоящему на площади, гдѣ каждый проходящій имѣлъ право бить ихъ.

(**) Здѣсь какъ видно изъ смысла пѣсни пропущено нѣсколько стиховъ.

Щобъ забывалы, Палія Семена, въ крипкіи кайданы,

Ой покрыкне Гетьманъ на свои тыслици,

Щобъ забывали, Палія Семена, въ крипки скрипныци,

Не давъ Гетьманъ, Палію Семену, ни пипы, ни исты,

До ки невыславъ Гетьмане Мазепо настолицю листы,

А якъ выславъ Гетьмане Мазепо листы на столицу

Веливъ закинуть Палія Семена въ темную темницу,

„О тежъ тоби, промовляе Царю, есть Палій изминныкъ,

Винъ тебе хоче уже отступаты,

Въ пень Моску рубаты;

А самъ хоче да настолыци Царемъ царствоваты.“

О зовется Палій сидячи въ темници:

„Бреше, бреше! Гетьмане Мазепо въ Царя на столици;

О тежъ тоби, да праведный Царю! самъ Гетьманъ изминныкъ,

Винъ тебе хоче уже отступаты,

Въ пень Москву рубаты,

А самъ хоче да настолици Царемъ царствоваты!„

Ой що взмовять мощивыи Паны до праведна Царя,

Выпускай ты да праведный Цари Палія съ темницы,

А що будуть бесурмены Шведы на твоій сто-
лици ! „

. . . .
. . . . (*)

Да ще хмелю да ще зелененькій на тычину
неизвывся,
А вже Палій пидъ Полтавою и съ Шведомъ
побывся ,
Да ще хмѣлю да ще зелененькій головокъ не-
схилывъ ,
А вже Палій пидъ Полтавою и Шедивъ по-
бывъ ,
Ой кликне по клыкне да Королю Шведскій на
гормашѣ стоя,
Утикаймо скорій , Гетьмане Мазепо ! съ Пол-
тавскаго поля!
Тогди воны утикалы уси съ пидъ Полтавы ;
Бо дай воны недождали бится съ Козаками !

(*) Здѣсь также пропущено кажется нѣсколько стиховъ.

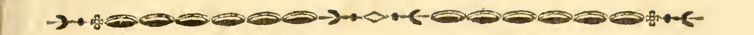
IX.

Тоска сестры по братѣ.

Не сизая зозуленька въ темнимъ лузи Кукова́ла,
Не дрибная пташка въ саду щебетала,
Сестра зъ братомъ изъ далека розмовляла,
Поклонъ посылала:
,,Братику мій милый,
Якъ голубонько сизый,
Прійды до мене изъ чужой стороны,
Поситы мене при лихій годыни!,,
,,Сестро моя рыдненька,
Якъ голубонька сызеньва!
Якъ я маю прибуваты,
Тебе навищаты,
За темными за лисами,
За дальнымы за степами,
За быстрыми за водами!“
,,Черезъ темный лисъ яснымъ соколомъ леты,
Черезъ быстрыи воды билымъ лебедемъ плывы,
Черезъ степы далекіи перепелочкомъ бижи,
На моймъ брате подворьи ты голубонькомъ пады,

Добре слово взговоры,
Мое сердце сиротскее взвеселы!
Чужи, брате, сестры съ дому божого идуть,
Вси якъ пчолочки гудуть,
На хлибъ на силь людей заклыкають,
Менежъ брате словамъ незаймають,
Мовъ въ очи незнають;
А Якъ колись зъ нами хлибъ силь поважалы,
Въ той часъ Кумамы по братамы звалы,
А якъ пришибла нещастна годына,
Названа и Кривна одреклась родына!

X.

Отъѣздъ Козака изъ родинѣ.

Внедилю рано по рано не во вси звоны звонылы,
Якъ въ вдовынимъ дому гомонилы,
Лихій вотчимъ Козаченька молодого лае,
Маты сыну слезно промовляе:
Иды ты сыну межь чужіе люде,
Чине луче тоби на чужинѣ буде?
Не хай тебе чужій отецъ сыноньку нелае,
Щастя твого Козацького на викъ незбавляе;
Тяжко, тяжко мини тебе зъ дому отправляты,
А ще тяжче биля себе въ знегодьи держаты!
Хоть поидешь на чужину, слезы мини литы;
Хоть оставлю тебе сынку, по всякъ часъ тужиты!
То Старшая сестра коненька выводыть,
Средня збрую срибную выносыть,
Щой найменьша, рыдае,
Словамы промовляе:
Зъ якой тебе брате,
Стороненьки ждаты?
Чи отъ чистаго поля,

Чи отъ чорного моря,
Чи отъ славного за порожья! . .“
„Возьзми ты сестро жовтого писку,
Да посій ты сестро на билому камни,
Колы буде жовтый писокъ выростаты,
Зеленымъ барвинкомъ камень устилаты,
Въ той часъ буду сестро до васъ прибуваты!
Бо якъ тяжко на безъ водьи рыби пробуваты
Такъ тяжко на чужини безродному прожи-
ваты! „
То шее промовлявъ :
На Коня сидавъ,
О прощенье пріймавъ,
Смутно зъ двора отцевскаго козакъ выизжавъ.
Довго воны на могилѣ крій села стоялы,
Довго, довго козаченька вичми провожалы,
А ще довше воны его дома оплакалы.

А.

Або, или.

Анижъ, чемъ, нежели.

Б.

Байракъ, Аврагъ, пропасть порослая лѣсомъ.

Барзо, весьма, очень.

Бида, бѣда, нещастіе.

Батько, отецъ. Употребленіе слова *батьку* въ разговорѣ со старшими принадлежитъ болѣе запорожцамъ, Малороссіяне же замѣняютъ оное словомъ *добродію*.

Барвинокъ, трава имѣющая прекрасныезеленыелисты и голубые цвѣточки.

Билый, бѣлый.

Бильше, болѣе, больше.

Биля, возлѣ.

Буть, быть. Глаголъ сей въ Малороссійскомъ нарѣчіи настояща времени не имѣетъ, въ прошедшемъ же *бувъ*, и въ будущемъ *буде*.

Брехаты, клеветать, глать.

Бусурманъ или *бесурменъ*, иновѣрецъ.

В.

Выграеаты, усѣченно *выгравать*, поигрывать на чемъ.

Вдовыченко, сынъ вдовы.

Вси или *уси*, всѣ.

Вробляты — *ять*, дѣлать.

Воздобный, борзый.

Весилье, свадьба.

Вмираты, — *ать*, умирать.

Вертатця, возвращатся.

Вдовыный, вдовій.

Витчимъ, отчимъ.

Вживаты хлѣбъ соль, водить съ кѣмъ хлѣбъ солы.

Витеръ, вѣтеръ.

Впень, до основанія.

Вздиваты, — *ать*, надѣвать.

Вовци, волки.

Высмыкаты, — *ать*, выдергивать.

Винъ, онъ.

Вже, ужé.

Витки, вѣтьви.

Війско, войско.

Впадитв, бростесь.

Г.

Годи, довольно.

Грегкосій, сѣющій Гречиху, вообще слово сіе означаетъ человѣка лѣниваго и нерадиваго, вѣроятно потому, что въ Малороссіи часто сѣютъ гречиху на томъ же самомъ полѣ на которымъ была рожъ невспыхивая опаго въ новъ, а только взборонивъ.

вгору, къ верху.

Гомониты — ить, шумѣть.

Гарматъ, пушка.

Где нѣвзялась, отъ куда возмись.

Гирло, горло.

Гнивъ, гнѣвъ.

Д.

Домоваты — ать, жить дома.

Домонтарь, домосѣдъ.

Додаваты—ать, придавать.

Двіймы, двумя.

Добре, хорошо, пышно.

тее догадавъ, смѣкнувъ дѣломъ, догадался отомъ.

Доки, пока.

Дуже, крѣпко, весьма.

Дбаты — ать, собирать.

Е.

Едпаты — ать, договариватся съ кѣмъ.

Евже, нѣтъ-ужъ.

З.

Загуваты — ать, услышать

Згадаты — ать, вздумать.

Злотый, двадцать копѣекъ.

Знаряжаты — ать, споряжать.

Звыгай, обычай.

Звязаты — ать, связать.

Завижаты — ать, мѣшать.

Заразъ, сей часъ.

Знадобитця, пригодится.

Звоны, колокола.

Занудылось, стошналось,

Зузуленька, кукушка.

Загасъ. загодину, вскорѣ.

Забагаты — ать, завидѣть

Зроду, отъ роду.

Злеся мае, находится въ нещастіи.

Заступаты — ать, заслонить.

Заправлять ружье, заряжать ружье.

Ж.

Жиноцькій, женскій.

Жваковаты — ать, глодать.

Жовтый, жолтый.

Жупанъ, верхняя одежда, кафтанъ.

И.

Ивась, Иванушка, Ванюша.

Исты, ѣсть.

Изнигв извалитьця, свалишся съ ногъ.

Изражаты — ать, погубить, выдать.

К.

Каляты — ять, марать, пачкать.

Крига, маршышка, рыболовъ.

Краще, лучше.

Край или *Крій*, конецъ.

Кайданы, цѣпи.

Карбоваты — ать, насѣкать, нарѣзывать знаки.

Колывб, когдабъ.

Колыжв, когдажъ.

Л.

Листы, слово сіе вообще означало офиціальныя бумаги.

Лижко, постѣль, ложе.

Ляхв, полякъ.

М.

Музыкы, музыка.

Мыля, миля.

Маты — ать, имѣть.

Мовб, какъ будто.

Мущивый, мощный.

Мабуты — уть, видно.

Мынаты — ать, пропустить обойти, миновать.

Н.

Недилешный, воскресный.

Ненька, родная моя.

Напидпытку, подъ гулявши, подъ веселый часъ.

Неподоба, неприлично.

Напередв, прежде.

Наметв, полашка.

Небога, бѣдная.

Недрибная, немѣлкая.

Нехай, пусть.

Нездолію, не въ силахъ.

Наставляты — ать, *гетьманомв*, избирать, постановить кого *гетьманомв*.

Наверсалы (универсалы), грамоты и привилегіи.

Незбавляты — ать, нетерять, непорчить.

Надилки, пожны.

О.

Оковыта, хлѣбное вино перваго сорту.

Одностайно, единодушно.

Отогди, тогда то.

Обибратця, отыскатся, выбратся.

Отежъ, вотъ же.

Отступаты — ать, отступится отъ кого, отдѣлится.

Откупляты — ять, избавлять, освобождать, выкупить.

Обизвецля, отзовется.

Оце, вотъ это!

П.

на Поталу въ снядь.

Панотецъ, сударь батюшка.

Паниматка, сударыня матушка

Перше, прежде.

Протинаты — ать, просипаться.

Пищели, ружья.

Поважаты — ать, уважать.

Приблуда, неизвѣстно отъ куда взявшійся.

Пылъ, пыль.

Питы, пойти.

Пидъ, подъ.

Прохаты — ать, просить.

Предъ мечъ принявъ, изрубилъ.

Плендроваты — ать, покорять.

Порада, совѣтъ.

Примирье, примиреніе.

Панъ, господинъ.

Пани, госпожа.

Пробуваты — ать, жить.

Побигъ, отправился.

Пиха, ножны.

Пытаты — ать, спрашивать.

Пригода, напасть, приключеніе.

Повикъ, вѣчно.

Прибуваты — ать, прибывать.

Пригепляты — ять, прицѣпить.

Панове, господа.

Пожирло, пожрало.

Потмарило, помрачило.

Р.

Рилья, борозна.

Розмовляты — ять, разговаривать.

Рушаты — ать, двинутся.

Ридный, родной.

Розумъ, разумъ.

С.

на Спочивы, на роздыхѣ.
Соби, себѣ.
Стина, стѣна.
у Стани, въ стойлахъ.
Спиваты -- *ать*, пѣтъ.
Свалыты — *ыть*, склонить нагнуть.
Сирохманци, сѣрые космашые.
Сызопиры, сизопѣрые.
Спысь, копьё.
Звертаты — *ать*, сварачивать въ сторону.
Середульшій, среднiй.
Сподиватця, надѣятся.
Солодкій, сладкій.
Суремки, трубы.
Суходилъ, сухая земля.
Сага, заливъ.
Скрипныци. См. тыслицы.

Т.

Тее, то.
Тоби, тебѣ.
Табуръ, станъ, лагерь.
Трапляетьця, случаеться.
Тыслици, деревяные клѣщи которыя надѣваютъ на ноги преступникамъ.
Тило, тѣло.
Треба, надобно.
Товкаты, толкать.
Тилько, только.
Тычина, прутикъ, палочка которую ставятъ для подъ держанія цвѣтовъ.

У.

У, на.
Усе, всё.
Уганяты — *ять*, заниматься чемъ.
Утикаты — *ать*, уходить.
Уробляты — *ять*, дѣлать.

Х.

Хата, изба, комната.
Хмиль, хмѣль.
Ховаты — *ать*, прятать,
Хуртовина, буря.
Хтось, ктото.
Хмары, тучи.

Ч.

Чого чего.
Чоботы, сапоги.
Чомъ, почему.
Чура, прислужникъ родъ оруженосца.

Червоный, красный.
Чи щежъ, еще ли.
Човны, лодки.

Ш.

Шукасты — ать, искать.
Шисть, шесть.
Шляхъ, дорога.
Шабли, сабли.
Шановаты — ать, нѣжить, почитать.

Щ.

Ще, еще.
Щось, что то.

Ю.

Юрусь (уменьшит.), Юрій.

Я.

Якъ, какъ.